

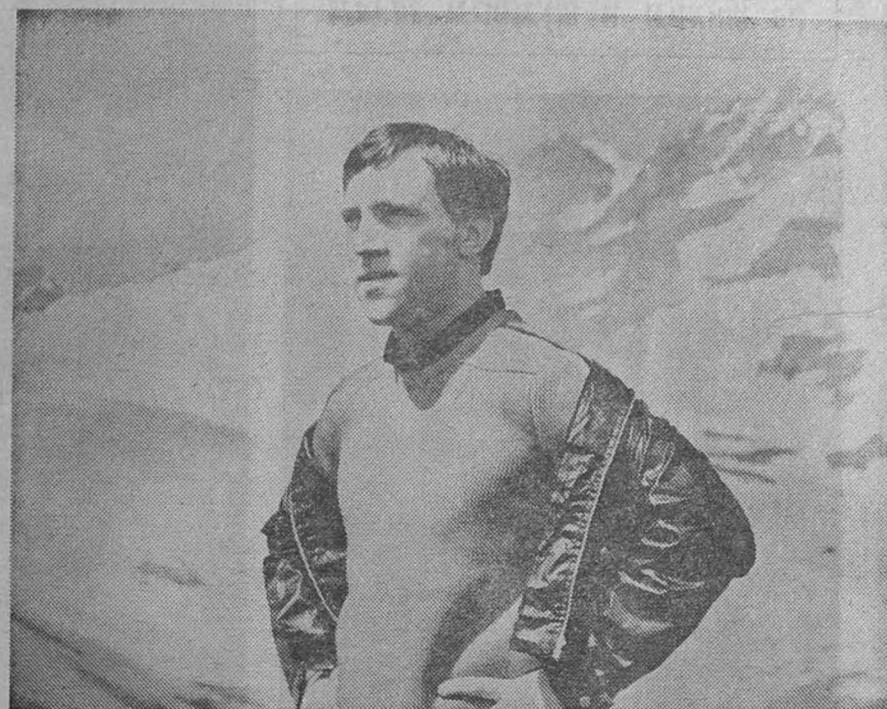
Эта небольшая поэма (у автора не имеющая названия) сохранилась в архиве Владимира Высоцкого. В ней нет примет песенного жанра — стихи явно не предназначались для исполнения под гитару. Когда однажды какой-то критик в очередной раз пытался развенчать Булата Окуджаву как поэта, он назвал свою статью о нем «Без аккомпанемента», — вот, мол, что остается, когда нет спасительных аккордов. А остался, как показало время, — поэт Окуджава. Так и с Высоцким — вот стихи, которые не озвучены знакомым голосом и аккордами гитары. Просто стихи.

Для меня самое дорогое в них — запечатленное в слове состояние человека, который впервые, не имея за плечами чужого опыта, рванул с Земли в неведомое. Никто из нас ничего подобного не испытывал. И Высоцкий при жизни, естественно, знал про космос примерно то же, что все мы. Но такое впечатление, что он не мог, был просто не в состоянии ограничиться собственным житейским опытом. Может быть, в этом одна из загадок необычайной внутренней динамичности его творчества и его судьбы.

Говорят, что реалии в поэзии устаревают, видоизменяются со временем. Вполне возможно. Может быть, когда-нибудь обыкновенному человеку будет предоставлена возможность легкой прогулки в космос. А пока что космонавт Г. М. Гречко с удивлением вчитывался в каждую строчку поэмы Высоцкого, восхищаясь тем, как безошибочно схвачена каждая минута происходящего, как точно отражено все то, что он, Георгий Михайлович Гречко, знал по себе. Знал и как дублер, тот, кто девять раз «вторым» доходил до трапа, а потом знал уже там — в космосе.

Стала расхожей мысль о том, что Высоцкий был с нами для людей разных профессий. Мне кажется, стоит отметить, что эта его «свойскость» была абсолютно чужда панибратству. Прежде всего потому, что основана на замечательном уважении к чужому труду, к результату его и к процессу — труду как созидательному, творческому. Летчик-космонавт выполняет задание. Но в это время он и творит нечто, отдавая себя, свою жизнь людям. Он раздвигает границы земного опыта, и в этих немислимых условиях — характерно для Высоцкого! — он не теряет юмора, напротив, кажется, только с его помощью и может запечатлеть то небывалое, что пережил...

Наталья КРЫМОВА.

наши публикации

ПОЭМА О КОСМОНАВТЕ

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Я первый смерил жизнь обратным счетом.

Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.

Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

Сейчас я стану недвижим и грузен
И погружен в молчанье, а пока
Межа и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.

Хлестнула память мне кнутом по нервам,

В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть первым,
Который смог впервые стать вторым.

Пока что на него не тратят шрифта —
Запас ваглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь до лифта,
Но дальше я поднялся без него.

Вот тот, который прочертил орбиту.
При мне его в лицо не знал никто.
Я знал: сейчас он в бункере закрытом.
Бросает горсти мыслей в решето.

И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.
Они все скоро на страницах прессы
Расскажут биографии свои.

Их всех, с кем знал я доброе соседство,
Свидетелями выведут на суд.

Обычное мое, босое детство
Обуют и в скрижали занесут.

Чудное слово «Пуск» — подобье
 вопля —
Возникло и нависло надо мной.
Недобро, глухо заворчали сопла.
И сплюнули расплавленной слюной.

И вихрем чувств пожар души задуло,
И я не смел или забыл дышать.
Планета напоследок притянула,
Прижала, не рискуя отпустить.

И килограммы превратились в тонны,
Глаза, казалось, вышли из орбит,
И правый глаз впервые, удивленно
Взглянул на левый, веком не прикрыт.

Мне рот заткнул — не помню — крик
 ли, кляп ли.
Я рос из кресла, как с корнями пеня.
Вот сожрала все топливо до капли
И отвалилась первая ступень.

Там, подо мной, сирены голосили,
Не знаю — хороня или храня.
А здесь надсадно двигатели взвыли
И из объятий вырвали меня.

Приборы на земле угомонились,
Вновь чередом своим пошла весна.
Глаза мои на место возвратились,
Исчезли перегрузки — тишина.

Эксперимент вошел в другую фазу.
Пульс начал реже в датчики стучать.

Я в ночь влетел, минуя вечер, сразу,
И получил команду отдыхать.

И стало тесно гологам в эфире,
Но Левитан ворвался, как в спортзал.
Он отчеканил громко: «Первый в мире!»

Он про меня хорошее сказал.

Я шлем скафандра положил на локоть,
Изрек про самочувствие свое...
Пришла такая приторная легкость,
Что даже затоснило от нее.

Шнур микрофона словно в петлю свился,

Стучали в ребра легкие, звеня.
Я на мгновение сердцем подавился —
Оно застряло в горле у меня.

Я отдал рапорт весело, на совесть,
Разборчиво и очень делово.
Я думал: вот она и невесомость,
Я вещу нуль, так мало — ничего!

Но я не ведал в этот час полета,
Шута над невесомостью чудной,
Что от нее кровавой будет рвота
И костный кальций вымоет с мочой.

* * *

Все, что сумел запомнить, я сразу
 перечислил,
Надиктовал на ленту и даже записал.

Но надо мной парили разрозненные мысли

И стукались боками о вахтенный журнал.

Весомых, зримых мыслей я насчитал немал.

И мелкие сновали меж ними чуждыми плащей.

Но невесомость в весе их как-то уравнила —

Там после разберутся, которая важнее.

А я ловил любую, какая попадалась,
Тянул ее за тонкий невидимый канат.

Вот первая возникла и сразу оборвалась,

Осталось только слово одно: «Не виноват!»

Но слово «невиновен» — не значит «непричастен», —

Так на Руси ведется уже с давних пор.

Мы не тянули жребий, — мне подмигнуло счастье,

И причастился к звездам член партии, майор.

Между «нулем» и «пуском» кому-то показалось,

А может — оператор с испугу записал,
Что я довольно бодро, красуясь даже малость,

Раскованно и браво «Поехали!» сказал.

Публикацию подготовили
Н. КРЫМОВА, В. АБДУЛОВ,
Г. АНТИМОНИЙ.
Фото Бориса Федосова.